

Макарова-Мирская Александра Ивановна

На служении Алтаю
Биографическая повесть

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александра Ивановна М.**
На служении Алтаю: Биографическая повесть / Макарова-Мирская Александра Ивановна –
М.: Книга по Требованию, 2026. – 329 с.

ISBN 978-5-519-94825-8

С 87 портретами, видами и виньетками.

ISBN 978-5-519-94825-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

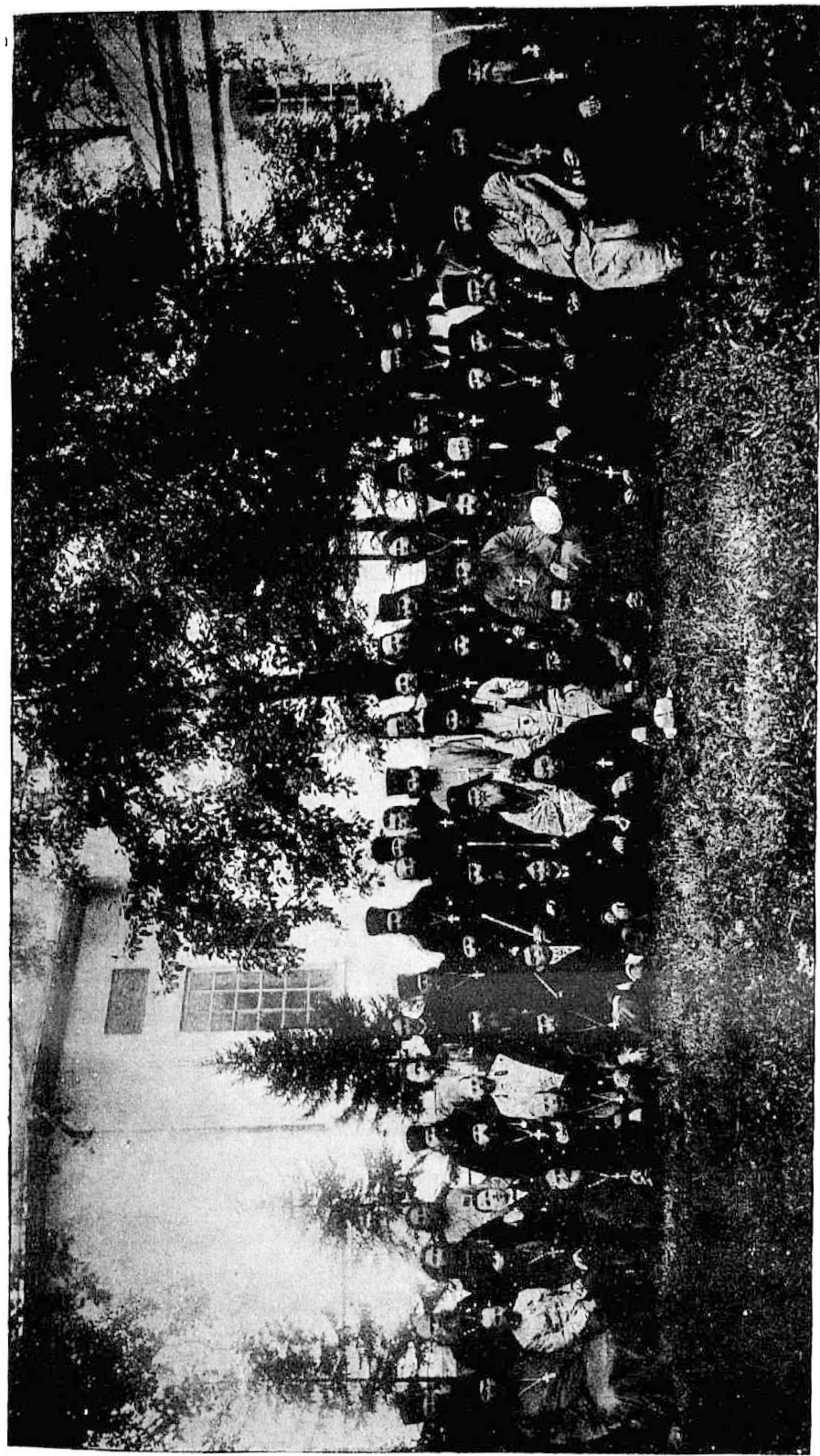
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
67. Каскады рѣки Яр-балыкъ	236	Томскій губернаторъ Н.	
68. Видъ цѣпи катунскихъ бѣлковъ	240	Л. Гондатти при выѣздѣ изъ села Онгудай . . .	292
69. Водяныя лиліи-виньетка .	243	80. Чолушманскій монастырь; дѣвочки алтайки съ ихъ настоятельница матерью Магдалиной	298
70. Алтайская долина	244	81. Иннокентій, епископъ Бій- скій	303
71. Тельдекмень на рѣкѣ Ка- туни	245	82. Прот. Михаилъ Чевалковъ	306
72. Порогъ на рѣкѣ Чолуш- манъ	250	83. Рѣка Бія... путешествіе епископа Иннокентія Бій- скаго на плоту изъ Ке- безени въ г. Бійскъ . .	309
73. Дорога на рѣкѣ Катунѣ изъ деревни Уснези въ с. Чопошъ	257	84. Село Чемалъ съ Ю.-В. стороны	312
74. У южнаго берега Телец- каго озера въ ожиданіи лошадей въ Чолушманскій монастырь	264	85. Священникъ Іоаннъ Лан- дышевъ съ внучатами: Ни- ной, Феодосіемъ и Зина- идой Макаровыми . . .	313
75. Настоящій (1910 г.) со- ставъ Алтайской миссіи .	273	86. Рахмановское озеро . .	314
76. Въ Чолушманскомъ Бла- говѣщенскомъ монастырѣ	279	87. Видъ Алтая, цвѣты и пе- реправа миссіонера че- резъ рѣчку	316
77. Синій бомъ на рѣкѣ Кок-су	283		
78. Село Онгудай	288		
79. Епископъ Иннокентій и			

Опечатки въ текстъ подъ рисунками.

<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣд. читать:</i>
2	на устьи р. Чунъ...	на устьи р. Чуи.
49	Эликмоноромъ...	Эликмонаромъ.
76	Алтынъ-Гоу...	Алтынъ-Ту.
151	Итак-кая...	Итък-кая.
220	Бельтыр-оэк...	Пельтыр-оэк.

Иркутскіи Миссіонерскіи Съѣздъ 1910 г. подъ предѣдательствомъ Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, Архієпископа Томскаго и Алтайскаго.

Архієпископъ Макарій.

(Отъ рожденія до служенія въ Чемалтъ).

I.

Среди нужды и лишеній въ семьѣ дьячка Парвицкаго родился восьмой ребенокъ, и мать со слезами поцѣловала его маленькое личико.

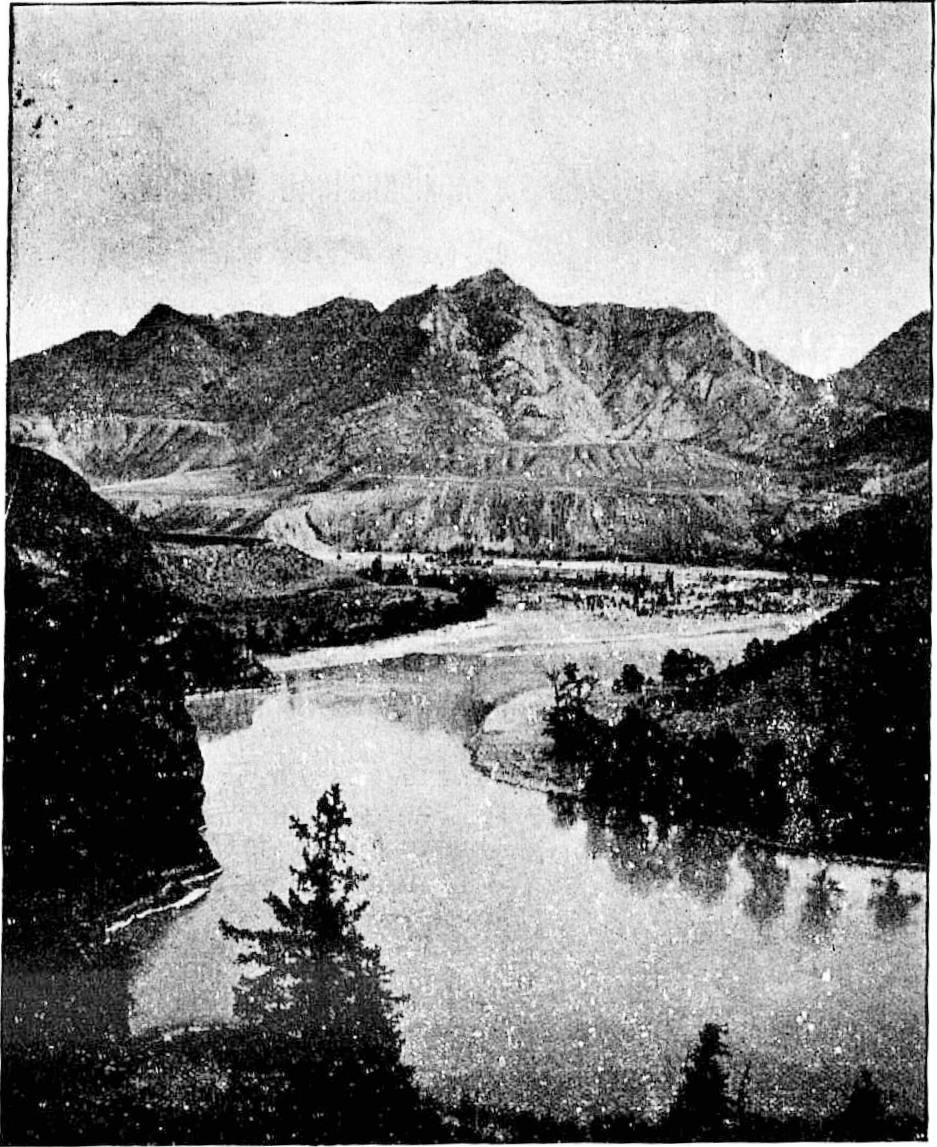
— Охъ, отецъ! — сказала она, — не на радость намъ и дѣти при нуждѣ нашей... а чѣмъ они виноваты, бѣдныя?

Тихій, скромный дьячекъ, пробуя ее утѣшить, положилъ руку на крохотную головку и убѣжденно вымолвилъ:

— погоди, мать: на его счастье уйдемъ въ Сибирь... онъ подрастетъ немного... тамъ лучше будетъ намъ: вздохнемъ отъ нужды... потерпимъ пока, ради Бога.

И она покорно согласилась съ нимъ, что нужно потерпѣть, а маленькій Михаилъ тихо плакалъ въ убогой люлькѣ, которую сестра Дуня качала, напѣвая грустныя пѣсенки.

Въ трудѣ и заботѣ протекала жизнь родителей малютки, печальная, какъ сама печаль, озаренная только лучами общей привязанности. Бани, по черному построенная, однажды служила имъ жилищемъ,

Алтай. Рѣка Катунь на устьи р. Чунь.

и Михаилъ плакалъ отъ дыма, ѣвшаго ему глазки, когда затопляли печь; потомъ жили они въ церковной богадѣльнѣ... тутъ подошли голодные годы, тяжкіе

годы. И матери, и отцу хотѣлось порою кричать отъ невыносимой печали за голодныхъ дѣтей, и они рѣшили идти за помощьюъ къ протоіерею Іоанну Рождественскому, брату жены Парвицкаго. Дѣтямъ осталось мало хлѣба; правда, Дуня дѣлила его добросовѣстно, но въ памяти малютки Михаила осталось: пустая ограда, на которой росли бѣлые и розовые цвѣты клевера, ихъ онъ жадно ѣлъ, набивая ротикъ, чтобы утолить голодъ, мучившій его.

Послѣ долгихъ лишеній, свѣтлая мечта о Сибири, наконецъ, осуществилась въ холодную туманную осень, прихвативъ и часть зимы. Собравъ дѣтей и скарбъ, малый и немудрый, Парвицкій собрался въ дорогу, усадивъ дѣтсей въ глухую кибитку,—въ дорогу—на поиски иной, свѣтлой и не голодной доли; но недоля шла за ними: она морила ихъ голодомъ и дорогой, и рѣдкій день бѣдныя дѣти имѣли обѣдъ; а Михаила едва не задавили, когда кибитка опрокинулась въ сугробъ и онъ очутился внизу всѣхъ.

Маленькому Михаилу хорошо помнилось, какъ жадно ѣли тѣ, кому приходилась очередь обѣдать, и какъ печальны были глаза дѣтей, чья очередь уже прошла. Иногда добрая хозяйка постоялаго двора, видя ихъ стѣсненное положеніе, кормила ихъ даромъ, но это было такъ рѣдко, какъ рѣдки вообще добрыя души на свѣтѣ; а у матери и отца истомилось сердце отъ печали за весь этотъ грустный и тяжкій путь.

— Погоди,—говорилъ Андрей Ивановичъ своей печальной женѣ,—Богъ дастъ тамъ, въ Сибири, скоро діаконскаго сана дождуся, а, главное бы, намъ съ тобою дѣтей людьми сдѣлать. Теперь Саша вырастаетъ, поможетъ намъ... потомъ и другія... вотъ, только бы до Тобольска добраться.

И въ декабрьскій морозъ глаза Михаила увидали изъ окна бѣднаго постоялаго двора улицы Тобольска. Горькія слезы лилъ Парвицкій на прошеніе, которое писалъ Тобольскому епископу Владиміру о своемъ безвыходномъ положеніи, о крайней нищетѣ, о томъ, что нѣтъ у него средствъ добраться до Томской епархіи, цѣли его пути! Это прошеніе было воплемъ от-

чаянія; онъ просилъ у владыки вакантнаго діаконскаго мѣста, и зять его Миртовъ, мужъ Феодосіи, которая уже имѣла трехъ малютокъ, тоже подалъ прошеніе о зачисленіи, упомянувъ, что любовь къ тестю вела его въ Сибирь. Сердце трепетало у обоихъ просителей, но все кончилось благополучно.

Однако Иковская слобода встрѣтила Парвицкаго, бѣднаго пасынка судьбы, и его семью рядомъ неурожайныхъ годовъ, а на просьбы о переводѣ, отвѣтили запросомъ о немъ, какъ о лицѣ, еще не принятомъ въ Тобольскую Епархію изъ Томской, куда онъ причислился изъ Россіи. Годы мытарства и просьбъ наконецъ, закончились уже при пріемникѣ умершаго епископа Владиміра, епископъ Георгій, котораго протоіерей Рождественскій просилъ за Андрея Парвицкаго и его зятя. Но не суждено имъ было служить въ Тобольской епархіи; тихій и незамѣтный человѣкъ —отецъ Михаила, наконецъ могъ отдохнуть отъ всѣхъ старыхъ печалей, устроившись вмѣстѣ съ зятемъ, занимавшемъ мѣсто діакона въ селѣ Верх-Ануйскомъ, Томской Епархіи, и порадоваться на дѣтей: вторая дочь Евдокія была выдана за діакона Илью А. Херсонскаго; сынъ Александръ, которому въ семинаріи, какъ и всѣмъ дѣтямъ Парвицкаго, дали фамилію Невскаго, въ честь Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, имя котораго онъ носилъ, былъ священникомъ, Петръ былъ поставленъ въ діакона, Лаврентій учился въ среднемъ отдѣлѣ семинаріи, а Иванъ и Михаилъ въ Тобольскомъ училищѣ.

— Ну, вотъ,—говорилъ Парвицкій женѣ тихими вечерами,—видишь: все пережили... и въ Сибири жить можно, мать... что вздыхаешь? прошлое вспомнить тяжело?... Да, тяжело... помнишь пожаръ то въ Шапкинѣ? все погорѣло: скарбъ нашъ, домъ, хозяйство... а баня дымная и богадѣльня... горя ребятенки натерпѣлись съ нами, ну, да все было и все прошло —что Богъ ни дѣлаетъ, дѣлаетъ къ лучшему.

Отрокъ Михаилъ, выросшій подъ гнетомъ нужды, былъ кроткій, тихій; среди невзгодъ и лишеній началась его жизнь. Переводъ Парвицкаго изъ Тоболь-

ской въ Томскую епархію надолго разлучили маленькаго Михаила съ родной семьей; особенно чувствительна была для него разлука съ матерью. Послѣ семейной жизни, отданный въ бурсу, Михаилъ слишкомъ чувствовалъ свое сиротство. Время дѣлало свое дѣло и бурса свое. Но ничто не могло заглушить добрыхъ сѣмянъ, посѣянныхъ въ душѣ его среди семьи и особенно подѣ влияніемъ благочестивой матери и такой же бабушки. Михаилъ сталъ юношей, онъ—въ семинаріи. Товарищество и среда также стали было оказывать на него свое влияніе. Но юноша Михаилъ скоро оттолкнулся отъ всего этого. Съ нимъ произошла быстрая перемѣна. Материнская набожность возвратилась къ нему. Еще въ семинаріи онъ сталъ почти отшельникомъ. Стоя на квартирѣ у благочестивыхъ хозяевъ, онъ зналъ только двѣ дороги—въ школу и въ церковь. Кромѣ книгъ св. писанія, неразлучными друзьями его были творенія св. Тихона Задонскаго. Читалъ онъ, осыпaeмый иногда насмѣшками товарищей, и біографію старца Серафима Саровскаго. Въ подвижнической жизни онъ руководствовался твореніями Ефрема Сирина.

Занятія почти безъ отдыха, неумѣренное постничество, безъ опытнаго руководителя, подорвали его силы. Онъ захворалъ и чуть не умеръ. Побывши во время вакацій у одного изъ старшихъ братьевъ своихъ, оставшихся въ Tobольской епархіи, Михаилъ возвратился оттуда съ возстановленными силами. Когда юноша кончилъ уже семинарію, ему захотѣлось уйти на служеніе людямъ простымъ, чистымъ, незнающимъ насмѣшекъ и зла. Томская епархія, какъ мѣсто служенія его отца, звала его, и особенно тянулося молодое сердце на ея окраину, въ Алтай, невиданный и далекій, гдѣ жили самоотверженные люди, и святой старецъ Макарій училъ дикарей, простыхъ сердцемъ.

— „Туда“!

Эта мысль горѣла въ молодомъ мозгу; и отецъ, и мать ему не прекословили: они знали, что онъ не боялся лишеній, что у него была позади опытность девятнадцати лѣтъ, проведенныхъ среди нихъ, а къ

повиновенію онъ былъ склоненъ, всегда кроткій и добрый, отъ рожденія. Теперь, когда братья стали на ноги, отецъ могъ свободно опереться на нихъ; въ сущности семья не нуждалась въ поддержкѣ Михаила, и отецъ съ матерью благословили сына на миссіонерскій трудъ. Сердце Михаила охватила чистая радость, когда онъ увидѣлъ задумчивыя предгорья той страны, въ которую несъ свое молодое горячее сердце и юную жизнь, какъ добровольную жертву.

Отъ Бійска и далѣе намѣтилось марево, похожее на густыя синія облака—это Алтай дѣвственный, чистый, прекрасный и задумчивый сливается съ горизонтомъ, и это марево впервые увидали глаза Михаила Адресовича Невскаго въ чистомъ воздухѣ февральскаго дня.

Въ девятнадцать лѣтъ онъ былъ уже учитель и миссіонерскій сотрудникъ, обречшій себя на лишенія.

И потекли годы повиновенія, труда и молитвы. Семья отца Стефана Ландышева и семья Чевалкова, простого инородца, даровитаго и способнаго, какъ всѣ алтайцы, привѣтили молодого труженника, учившагося алтайскому языку у Чевалкова и охотно бравшагося за всякое дѣло. Но алтайскій языкъ сперва трудно давался ему, пока сразу вдругъ, послѣ двухлѣтняго труда, онъ достаточно овладѣлъ имъ, такъ, что свободно сталъ понимать и даже говорить, на удивленіе Чевалкова.

Тихими лѣтними вечерами Михаилъ Андреевичъ уходилъ въ горы. Почти безлѣсная Тугая привлекала его; цѣлые дни, проведенные съ малограмотными толмачами надъ переводами молитвъ и богослуженія на алтайскій языкъ, утомляли его, и, забравшись на высоту, онъ восхищенными глазами глядѣлъ на закатъ, на горныя долины, погружавшіяся въ сумракъ вечерній, тогда какъ на вершинахъ еще сохранялись краски солнца; мирные аилы пятнами бѣлыхъ берегистанныхъ юртъ намѣчались на фонѣ темнозеленыхъ лѣсовъ, лентами казались рѣки, и въ нерушимой тишинѣ отдыхала молодая душа.

— Вотъ, отецъ Макарій—примѣръ намъ всѣмъ.—